

Константин Эдуардович Циолковский

Тихая, полусонная Калуга оказалась в стороне от революционных бурь и потрясений — во всяком случае, здесь не было восстаний, мятежей, уличных боев и массовых расстрелов. Но не было в России более или менее просвещенного человека, который бы не знал об этом городе. И вот что удивительно: славу Калуге принес не родовитый вельможа, не богатый купец, не великий писатель, а скромный учитель женского епархиального училища. Его статьи публиковались в самых популярных журналах, его книгами зачитывались гимназисты, студенты и седобородые ученые, его идеи повергали в шок и побуждали к подвигам инженеров, авиаторов и конструкторов летательных аппаратов.

«Земля мала, земля тесна, земля засорена — вперед, к другим планетам! Жизнь вечна, смерти нет, есть лишь мыслящий атом, который всегда был и всегда будет. Мозг и душа бессмертны! Высочайшая радость жизни есть радость любви! Причина всех бед — скудость мира и наших идей.

Если бы были отысканы гении, то самые ужасные несчастья и горести, которые кажутся сейчас неизбежными, были бы устранены. Нет ничего выше сильной и разумной воли! Каждое существо должно жить и думать так, как будто оно всего может добиться рано или

поздно. Космос переполнен жизнью, даже высшею, чем человеческая!»

Согласитесь, что эти мысли не могли не стать привлекательными на фоне всякого рода революционных учений, призывающих к насилию, террору, захвату власти, экспроприации собственности и т.п. Впервые в России кто-то заговорил о Вечном, о Космосе, о Вселенной. Так надо ли удивляться, что многие всерьез считали: эти мысли не могли родиться в голове рядового провинциального учителя Константина Эдуардовича Циолковского, он лишь передаточное звено, он — Посланец Космоса, он — Голос Вселенной. И хотя ни одна из его научных идей не была реализована при жизни — не взлетел цельнометаллический дирижабль, не поднялся многофюзеляжный аэроплан, не стартовала ракета для межпланетных сообщений — его неординарные разработки были известны всем образованным людям, и многие верили, что вот-вот они будут претворены в жизнь.

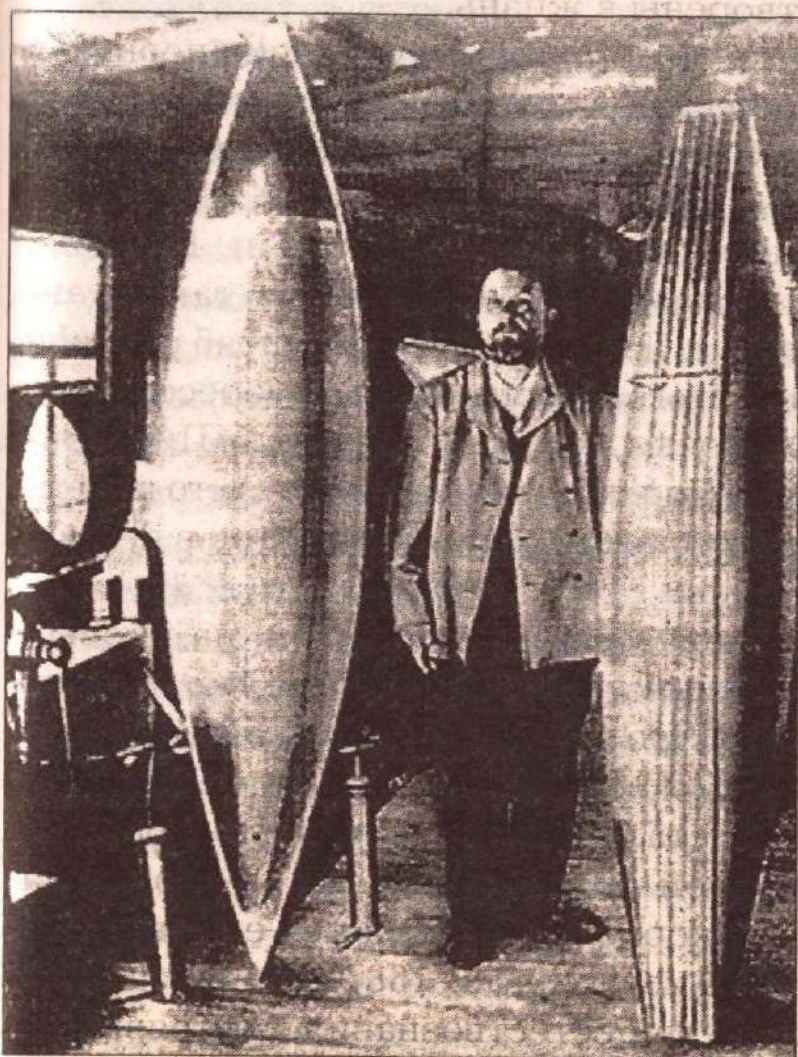
Ведь построил же Константин Эдуардович первую в России аэродинамическую трубу! А патенты на способ соединения гладких металлических листов с целью сооружения дирижабля изменяемого объема! Их Циолковский получил в Австрии, Англии, Германии, Бельгии, Италии и Франции, а там не дураки и просто так патенты раздавать не станут. Да и Генеральный штаб русской армии не будет из чистого любопытства интересоваться возможностями постройки дирижабля системы Циолковского: в одной газете даже появилась статья о его проекте переброски наших войск на Дальний Восток в период русско-японской войны.

Возникал вопрос: раз реализованы эти, на первый взгляд фантастические идеи, то почему не могут быть реализованы другие? Что бы там ни было, а поклонников и почитателей у Константина Эдуардовича было великое множество. Их стало еще больше после величайшей диверсии первой мировой войны — поджога «Цеппелинов» на Альхорнском аэродроме Германии.

Но сперва немного истории... В 1887 году на заседании Общества любителей естествознания, состоявшем-

ся в Политехническом музее, выступил Циолковский. Тема его доклада была сенсационной: он представил расчеты металлического транспортного дирижабля. Это выступление стало возможным только потому, что в город Боровск, где жил тогда Циолковский, случайно забрел известный русский изобретатель в области телефонной связи Павел Михайлович Голубицкий. Вот что пишет об этой встрече сам Павел Михайлович:

«Я познакомился с Циолковским в г. Боровске, куда случайно попал несколько лет тому назад, и крайне заинтересовался рассказами туземцев о сумасшедшем изобретателе — Циолковском, который утверждает, что наступит время, когда корабли понесутся по воздушному океану со страшной скоростью, куда захотят. Я решил навестить изобретателя. Первые впечатления при моем визите привели меня в удручающее настроение — маленькая комната, в ней небольшая семья: муж, жена,

дети и бедность из всех щелей помещения, а посреди его разные модели, доказывающие, что изобретатель немножко тронут: помилуйте, в такой обстановке отец семейства занимается изобретениями... Однако ж если бы люди никогда не занимались подобными «пустяками», то у

нас не было бы ни парашютов, ни железных дорог, ни телеграфа, ни других изобретений, которыми облагодетельствовано человечество.

Беседы с Циолковским глубоко заинтересовали меня... Через несколько времени мне удалось видеть профессора Московского университета Александра Григорьевича Столетова, которому я рассказал о Циолковском. Благодаря Столетову для Циолковского создались условия, которые дали ему возможность прочесть несколько сообщений в Москве в научных и технических собраниях, напечатать свои работы и перейти из уездного города Боровска в Калугу учителем уездного училища».

А теперь вернемся к докладу в Политехническом музее. Расчетами Циолковского заинтересовались руководители Седьмого воздухоплавательного отдела Русского технического общества. После всестороннего ознакомления с проектом председатель этого общества Е.С.Федоров отметил, что «...расчеты г. Циолковского произведены вполне правильно и весьма добросовестно, но подобные аэростаты вряд ли могут иметь какое-либо практическое значение, хотя и очень много обещают с первого взгляда; ходатайство о субсидии на постройку модели отклонить».

И отклонили... Одной из главных причин было то, что тогда не существовало технологии сварки гладких металлических листов. Но работа Циолковского была опубликована и стала широко известна. К тому же автор не сложил рук и через несколько лет разработал свою собственную технологию сварки этих листов.

Замечу, что первыми перспективность этой идеи оценили в Германии, и в Германии же выдали первый патент на изобретение. Это произошло в 1909 году. Потом, как я уже говорил, были Англия, Франция, Италия и другие страны. Россия, как это ни странно, изобретение признала последней и патент выдала лишь через два года.

Думаю, что заинтересованность Германии в идеях Циолковского была далеко не случайной — ведь именно в это время известный немецкий конструктор граф Цепелин разрабатывал конструкцию своего дирижабля с

металлическим каркасом. Расчеты Циолковского были неоценимым подспорьем в этой кропотливой работе.

К началу первой мировой войны Германия имела одиннадцать «Цеппелинов», каждый из которых мог поднимать не менее десяти тонн груза. Вооруженные артиллерийскими орудиями, пулеметами и бомбами, к тому же поднимающиеся на недостижимую для самолетов высоту, они представляли

К.Э. Циолковский — учитель физики и математики Калужского епархиального женского училища (1909 г.)

грозную военную силу. За годы войны немцы построили еще восемьдесят «Цеппелинов». Не трудно представить, сколько неприятностей причиняла войскам Антанты эта воздушная армада.

В январе 1918 года англичанам стало известно, что немцы подготовили операцию по прорыву британской морской блокады. Ключевую роль в этой операции должны были сыграть «Цеппелины». И тогда англичане нанесли удар в спину: они заслали диверсионную группу, которая должна была поджечь ангары. Ранним утром 5 января загорелся ангар № 1, а через минуту начались взрывы в четырех других. Гигантское пламя охватило весь аэродром — ведь в ангарах были емкости с водородом, которым наполнялись дирижабли. От этого удара немецкое дирижаблестроение так и не смогло оправиться.

Впрямую имена Циолковского и Цеппелина никто не связывал, но все помнили, что первой изобретение Константина Эдуардовича признала и запатентовала Германия. Почему? Не из альтруистических же соображений! Значит, расчеты Циолковского были верны и конечно же

переданы графу. Ну а то, что для уничтожения материализованных результатов этих расчетов понадобилась диверсионная операция, еще раз подтверждает их верность и безусловную перспективность.

Пророк в своем отечестве снова не был признан. Увы, но в России так было, есть и, наверное, так будет всегда.

То, что произошло с Константином Эдуардовичем полтора года спустя, вполне возможно, связано с историей на Альхорнском аэродроме. А произошло с ним огромное несчастье, которое могло закончиться трагически: в ноябре 1919 года Циолковский оказался на Лубянке.

Слухов об этой истории немало, да и сам Константин Эдуардович упоминал о своем пребывании в «Чрезвычайке», но написал он об этом очень кратко и, я бы сказал, туманно.

И вот без малого восемьдесят лет спустя дело № 1096 по обвинению Циолковского Константина Эдуардовича в моих руках: мне посчастливилось быть первым, кто прикоснулся к этим бесценным страницам. Первое, что поражает, это прекрасная бумага, на которой велись протоколы. А почерк, чего стоит красивый, каллиграфический почерк! И чернила были замечательные — сколько лет прошло, а текст сохранился блестяще.

Чтобы передать дух того времени, я решил сохранить орфографию и весь стиль письма протоколов, показаний, донесений и других документов, хранящихся в папке.

Начато дело Циолковского 20 ноября 1919 года. Открывается оно весьма странным и, я бы сказал, загадочным документом. Называется он «Точные пополнения к докладу сотрудников Особого отдела 12-й армии т. Кошелева и т. Кучеренко».

Кошелев и Кучеренко не просто сотрудники Особого отдела, они — разведчики, засланные в стан врага. Им удалось так глубоко внедриться в деникинские ряды, что они стали сотрудниками их разведки. Рассказав о том, что они видели и с кем общались, Кучеренко далее пишет.

«В г. Киеве мне и Петрову было сказано начальником разведки князем Галицыным-Рарюковым, чтобы не ходить и не собирать сведения по фронтам и не подвергать

себя опасности, а обратиться по адресу: г. Калуга, ул. Коровинская 61, спросить Циолковского. Пароль: «Федоров—Киев». Циолковский среднего роста, шатен, в очках, большая борода лопаткой.

В Калуге должен быть штаб повстанческих отрядов спасения России. Циолковский должен сказать адреса пунктов, находящихся в Москве, где и должны давать полные и точные сведения о положении дел на фронте и красных войсковых частях».

Вот так-то... Князь бережет своих агентов, не хочет подвергать их опасности и считает, что они куда больше узнают от Циолковского. В ЧК сведения доставлены из надежного источника и надежными людьми, адрес и пароль названы начальником разведки Добровольческой армии. Что должны делать в этой ситуации чекисты? Одни скажут, что по законам военного времени Циолковского надо немедленно арестовать, другие — установить наблюдение и организовать засаду...

Но чекисты пошли другим путем. Они знали, кто такой Циолковский, знали о диверсии на Альхорнском аэродроме, знали и о том, что несмотря на поражение, Германия пытается возродить дирижаблестроение, разумеется, пока что в мирных целях. В этой ситуации Циолковский для немцев находка. И самое главное, чекистам было известно об активных контактах военного министра в правительстве Петлюры, а им был немецкий офицер фон Стайбле, с Галицыным-Рарюковым. Чуть позже выяснилось, что имя Циолковского оказалось в записной книжке князя.

Как оно туда попало? Знакомы они не были — это точно. И воздухоплаванием князь не интересовался. Значит, кто-то это имя назвал. Кто, зачем? Может быть, фон Стайбле? Не исключено. Другой вариант: Циолковский резидент германской разведки. Едва ли, в его переписке нет ничего, кроме развития идей дирижаблестроения. А вдруг Циолковский глубоко законспирированный руководитель повстанческих отрядов? Сомнительно... Хотя его авторитет велик, к его словам прислушиваются. Не раз выступал против гражданской войны, категоричес-

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете прочитать
в Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н. К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел. для справок: (3532) 77-08-50

